

несмотря на то, что здѣшняя страна имъ очень нравилась своимъ бѣльшимъ просторомъ и богатствомъ дикихъ животныхъ, изъ которыхъ хуланы или, какъ называли ихъ старовѣры „польскіе кони“, вызывали въ нихъ особенный интересъ. Рассказывая о хуланахъ, старикъ Рахмановъ замѣтилъ: „при видѣ польскихъ коней, мы думали, что это табуны домашнихъ животныхъ, принадлежащіе мѣстнымъ жителямъ“.

Отсюда Рахмановъ съ своимъ пріятелемъ — двумя семьями — отправился по направленію къ сѣверо-востоку, и послѣ тяжелаго пустынно-горнаго пути, усталый прибылъ въ оазисъ Са-чжоу. И здѣсь мѣстныя власти, подобно тому, какъ и на нижнемъ Таримѣ, старовѣровъ не притѣсняли, „старались лишь вѣжливо уговорить скорѣе идти дальше, не засиживаясь въ городахъ“. За все время своего двухлѣтняго странствованія, Рахмановъ только однажды былъ свидѣтелемъ непріятной исторіи, вызванной впрочемъ его же товарищемъ-спутникомъ, котораго китайцы поколотили за то, что тотъ требовалъ себѣ казенныхъ подводъ. Вообще же китайцы и магометане были предупредительны и любезны, особенно съ тѣми немногими старовѣрами, которые имѣли отъ консуловъ паспорта, говоря таковымъ: „вы наши гости“. Мимоходомъ старикъ повѣдалъ мнѣ, между прочимъ, про свое личное горе, случившееся съ нимъ во время путешествія. Молодая, очень красивая дочь его, Пелагея, была уворована пастухами-туземцами и продана сартамъ, а эти послѣдніе принесли ее въ даръ Турфанскому беку, у котораго русская красавица долгое время была украшеніемъ женской половины. Впослѣдствіи Пелагея могла бы свободно возвратиться въ Алтай, но у нея уже было трое дѣтей, которыя, вмѣстѣ съ хорошимъ отношеніемъ къ ней мужа-бека, заставили покинуть всякую мысль о возвращеніи на родину. Изъ Са-чжоу Рахмановъ съ компаніей благополучно прошелъ черезъ Хами, Гучень и поперекъ Чжунгаріи въ свой Алтай, куда почти одновременно прибыли по старой дорогѣ также и остальные скитальцы-старовѣры.

По возвращеніи домой, Рахмановъ принялся трудиться болѣе, нежели прежде, и вскорѣ дѣйствительно наверсталъ причиненный его благосостоянію ущербъ. Опять онъ вернулся къ своимъ любимымъ мараламъ, пчеламъ и земледѣлію. Теперь, добродушно говорилъ мнѣ старикъ, я больше никуда не поѣду, да, вѣроятно, никто и другой не поѣдетъ; теперь и здѣсь жить хорошо — никто не притѣсняетъ. Имущественное состояніе Рахманова оцѣнивали мнѣ въ 50 тысячъ